

С.Б. ЛУГВИН,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК (ГОМЕЛЬ)

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И МОДЕЛЬ «РАЦИОНАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ» М. ВЕБЕРА

Рассматриваются рациональные черты индустриального общества и их отражение в модели «рациональной бюрократии» М. Вебера. The article is devoted to considering the rational features of an industrial society and their reflection in Weber's «rational bureaucracy» model.

Идеально-типическая конструкция «рациональной бюрократии» М. Вебера, ставшая в XX в. своеобразным каноном оптимальной администрации, явилась адекватным выражением тех объективных процессов, которые развернулись в капиталистическом обществе со вступлением его в индустриальную стадию. Целесообразность и упорядоченность индустриального общества, рациональная организация его материального и духовного производства обусловили и рациональное устройство его бюрократии. Тем самым оно стало не просто случайным открытием того или иного гениального ума, а явилось закономерным следствием и одновременно потребностью развития человеческой цивилизации в период индустриализации. Обоснованию данного утверждения и посвящена настоящая статья.

Завершение к началу XX в. в ведущих капиталистических странах промышленной революции означало их вступление в качественно новый этап развития человеческой цивилизации – индустриальное общество. Его возникновение явилось результатом процесса индустриализации производства, при котором на смену традиционной экономике, основанной на сельском хозяйстве и кустарно-ремесленном промысле, пришла экономика с преобладанием обрабатывающих отраслей промышленности и использованием сложных технических устройств. В результате этого процесса человек стал взаимодействовать уже не с природой как таковой, а в основном с продуктами своей собственной деятельности, т. е. с преобразованной природой. Его трудовые усилия базировались уже не на затратах мускульной энергии, а на использовании силы пара и электричества. Столь радикальное преобразование сферы материального производства было прямо связано с развитием фабричной системы, обеспечивающей массовое изготовление стандартных продуктов для нужд рынка. Подобное было невозможно без возникновения крупных предприятий с более глубокой специализацией и новой организацией труда. В этих условиях совместная деятельность людей, их кооперация стали технической потребностью развития производства, требующей установления строго определенного времени на выполнение каждой операции и четкого взаимодействия всех звеньев и участников трудового процесса. Такая «непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно, и рабочих вынуждает каждого из них, – писал К. Маркс, – употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создаются совершенно иные, чем в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации, непрерывность, единообразие, регулярность, порядок и, в особенности, интенсивность труда»¹. В подобных условиях универсальный работник ремесленного производства превращается в высокоспециализированного частичного рабочего, обезличенного носителя конкретной роли, определен-

ной его трудовой функцией. На этой основе происходит разграничение между ролью человека и его личностью, внешними функциональными обязанностями и его внутренними, сугубо личностными, характеристиками. При этом социально значимым признается отнюдь не личностный потенциал работника, а исключительно его функциональная роль в производственном процессе. В результате сам человек становится подобием машины, превращается в хорошо запрограммированное техническое устройство, лишённое индивидуальных черт и способное лишь чисто автоматически выполнять определенные операции. «Двойная зависимость труда от машин и от организации труда, которая, в свою очередь, является своего рода машиной, – отмечал немецкий философ К. Ясперс, – приводит к тому, что человек сам становится как бы частью машины»².

В условиях индустриального общества техника не только радикально меняет жизнь каждого человека, превращая его в придаток машины, но и максимально стандартизирует общественные отношения, придавая социальной организации вид большой технической системы. Не только экономика, но и политика, культура, сознание и мышление испытывают на себе все большее влияние техники. Немецкий экономист и социолог В. Зомбарт писал в этой связи, что построенная на научных началах техника развивает рациональное мышление и делает его более точным и пунктуальным³. Аналогично рассуждал и К. Ясперс: «Все, что задумано для осуществления какой-либо деятельности, должно быть построено по образцу машины, т. е. должно обладать точностью, предначертанностью действий, быть связанным внешними правилами»⁴.

Индустриальное общество видный немецкий социолог М. Вебер именовал рациональным промышленным капитализмом, который рассматривал как уникальный социальный феномен, не имеющий аналогов в прошлом. Он характеризовал его как комплекс взаимосвязанных социальных институтов, функционирующих на основе рациональных методов извлечения прибыли. Важнейшей особенностью индустриального общества М. Вебер считал господство формальной рациональности, которую понимал как калькулируемость, как то, что поддается расчету и любой иной количественной оценке. Отправной точкой рациональности индустриального общества он называл рациональную организацию капиталистического предприятия, которая, по его мнению, невозможна без отделения от домашнего хозяйства и без рациональной бухгалтерской отчетности. На базе рационального капиталистического предприятия утверждается и рациональное капиталистическое производство, также немислимое без самой точной калькуляции издержек и прибыли. Тем самым принцип калькулируемости, согласно М. Веберу, является одной из наиболее важных предпосылок рационального капиталистического производства. К числу других его предпосылок ученый относил: 1) присвоение частными промышленными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства (землю, приборы, машины, орудия и т. п.); 2) свободный от нерациональных ограничений рынок; 3) строго рассчитанную и поэтому механизированную технику; 4) строго определенные правовые нормы суда и управления; 5) свободный труд, позволяющий на основе условленной заработной платы вычислять издержки производства; 6) коммерческую организацию хозяйства⁵. Каждая из таких предпосылок имеет, по мысли М. Вебера, поддающиеся учету количественные параметры, с помощью которых можно правильно рассчитать будущую прибыль. Разделяя подход М. Вебера, австро-американский социолог Й. Шумпетер полагал, что расчет прибыли и издержек позволил расширить сферу рациональности, которая при достижении определенного уровня квантифицируемости в экономической области «начинает распространяться дальше, подчинив себе, т. е. рационализируя, орудия человека и их представления, приемы врачевания, картину мироздания, взгляды на жизнь – рационализируя все, включая его идеалы красоты, справедливости и духовные запросы»⁶.

В. Зомбарт обратил внимание на то обстоятельство, что длительная практика капиталистического хозяйствования постепенно выработала рациональные приемы ведения дел, максимально благоприятствующие получению прибыли. По мере развития капитализма их объем, по его мнению, существенно расширился за счет целенаправленной разработки новых приемов, направленных на рационализацию хозяйственной деятельности. На этой основе возникла и развилась система целесообразных правил поведения, используемых при создании рентабельных компаний. Их усвоение позволяет любому предпринимателю значительно расширить свой объем знаний, в результате чего он получает возможность, освобождаясь от всякой второстепенной работы, сконцентрироваться исключительно на предпринимательской деятельности.

Единство цели и одинаково рациональные приемы ведения дел, по мысли В. Зомбарта, обуславливают усиление единообразия капиталистических хозяйств. В результате весь земной шар покрывается фабриками, организованными по одной схеме с использованием одинаково точных машин. Везде и всюду господствуют «необходимость, единообразие, единство». Ученый считал, что также развивается и государство. Данный вывод вполне соответствовал идее М. Вебера о том, что рационализация частного капиталистического предприятия представляет собой лишь частный случай универсальной рационализации общества, проявляющейся во всех сферах его жизнедеятельности.

Повсеместное распространение принципа рациональности В. Зомбарт связывал с рационалистическим мировоззрением промышленной буржуазии, которая является носителем сугубо рациональной деятельности. В этой связи ученый отмечал, что в основе ее действий во все времена лежит осознание причинной связи явлений. «Для обоснования своего образа действий, – писал он, – капиталистические хозяйствующие субъекты нуждаются в открытии причинных отношений, в упорядочении вещей по категориям причины и следствия. Благодаря такой своеобразности капиталистического строя мышления, вытекающей из сущности капиталистической организации, он становится мощным двигателем рационалистического и, в частности, причинного мирозерцания...»⁷

Подобное, совершенно свободное от религиозно-мистических предрассудков, рационалистическое мировоззрение создало благоприятный интеллектуальный фон для развития науки, которую М. Вебер называл наиболее чистым воплощением рациональности. Развившись в лоне рационалистических идей Нового времени, она исследовала природу с помощью измерения и эксперимента и широко применяла рациональную обработку эмпирического материала. Начиная с XVI в. наука имела дело преимущественно с количественными характеристиками исследуемого объекта, которые выдвигались на первый план в астрономии, механике и других разделах физики. Материя, пространство, время и движение описывались ею почти исключительно на основе математических расчетов. Подобная традиция была связана с именем Р. Декарта, который, унифицировав все многообразие реального мира, свел его к простой механической модели. Любой живой организм он рассматривал по аналогии с механическим устройством.

Стремительное развитие капиталистической промышленности было непосредственно связано с научно-техническим прогрессом, который необычайно расширил горизонты человеческого познания и придал науке практическую направленность. Ряд технических изобретений, сделанных в Новое время, в том числе появление новых средств измерения, позволил с большой точностью фиксировать количественные отношения в любых природных явлениях и процессах. Если в прошлом в сфере производства решающую роль играли субъективные ощущения, с помощью которых все определялось на глаз, на слух, на запах и т. п., то вместе с новыми техническими устройствами появилась возможность получать объективно точное измерение различных параметров объекта, в том числе его протяженности, тяжести, теплоты и т. д.

На этой основе стала быстро развиваться механика, которая использовалась для расчета машин и механизмов. Законы и принципы классической механики, с помощью которых в тогдашней науке интерпретировался широкий спектр исследуемых объектов, легли в основу новой научной парадигмы – механицизма.

С середины XIX в. в Европе стала широко распространяться идея, что единственным средством адекватного познания социальной реальности может быть только наука, возникшая на основе обобщения эмпирических фактов (раньше в качестве такового признавались либо религиозные догмы, либо умозрительные теории). В подобных условиях позитивистски мыслящие ученые (О. Конт, Дж. Милль, Г. Спенсер и др.), ориентировавшиеся на стандарты и модели механицистской парадигмы, выступили за превращение философских, экономических, социологических и иных гуманитарных наук в такие же строгие и точные науки, как физика и астрономия. В результате в научных исследованиях широко распространился технократический тип мышления, особенность которого американский социолог Д. Белл выразил следующим образом: «В своем акценте на логический, практический, технический, упорядоченный, четкий подход к задачам, к разрешению проблем, в своей основанности на расчетах, точности, измерениях и концептуальности этот тип мышления противоположен традиционным и общепринятым религиозным, эстетическим и интуитивным его формам»⁸. Подобный тип мышления оказал влияние на многих ученых, в том числе на тех, которые не разделяли методологических установок позитивистов. Так, теория «научного социализма» К. Маркса и Ф. Энгельса, открыто противопоставляемая ими прежним теориям «утопического социализма», также не избежала влияния технократического мышления.

Увеличение роли научных знаний и усиление их практической направленности положительно сказались на рационализации всей жизнедеятельности людей, которая сопровождалась отказом от привычных и стихийных форм действий и освоением новых, четко систематизированных и строго упорядоченных форм, имеющих в своей основе научно обоснованные и рационально сформулированные правила. В результате экономическая деятельность людей стала приобретать заранее предвидимый и предсказуемый характер, что позволяло исчислять ее на достаточно длительный период времени. Д. Белл характеризовал экономику индустриального общества как мир строгого расчета и запрограммированной деятельности, в котором компоненты товаров производятся в нужных пропорциях и в должное время⁹.

В период индустриального общества резко возросло значение управления, включающего постановку ясных и однозначных целей, адекватно соотносимых со средствами их достижения. Рост масштабов производства, усложнение его структуры, углубление специализации и развитие кооперации настоятельно требовали рациональной организации трудовой деятельности людей, которую в состоянии было обеспечить лишь организационно обособленное и эффективное управление. В подобных условиях оно приобрело более сложный и специализированный характер и превратилось в самостоятельную сферу человеческой деятельности, требующую соответствующего образования и специальной подготовки. В конечном счете управленческая деятельность стала все больше концентрироваться в руках профессионалов-управленцев, опирающихся на научные принципы, знание процедур и технологии управления. В подобной обстановке владельцы предприятий обычно оказывались не в состоянии самостоятельно обеспечить квалифицированное управление своим производством, что вынуждало их нанимать специалистов-менеджеров, способных эффективно решать любые управленческие задачи. В результате функция управления стала все в большей степени отделяться от владения собственностью, что привело к невиданной прежде рационализации управленческого труда, сопровождающейся существенным повышением его качества и результативности.

В условиях индустриального общества рациональный характер управления наиболее полно воплотился в тейлоровской системе организации труда, получившей название системы «научного управления». Поставив перед собой конкретную цель – достигнуть более высокой производительности, Ф. Тейлор разделил все выполняемые на производстве операции на элементарные составные части и, используя хронометраж, тщательно просчитал оптимальные условия и сроки их исполнения. В результате он создал модель «идеального трудового процесса», в которой обобщил свои наблюдения за работой наиболее опытных кадров. В этой модели были устранены все «лишние» и «бестолковые» движения и сохранены лишь наиболее целесообразные действия, которые фиксировались в стандартных правилах и формулировались в виде научно обоснованных принципов. Была разработана также система мер, направленных на рациональное использование материалов и труда людей, стимулирование их производственной активности, введение регламентов по применению инструментов и экономии сырья, точный учет рабочего времени и т. п. Система «научного управления» Ф. Тейлора предусматривала разработку многочисленных правил, законов и формул, которые, как он считал, «заменяют собой личное суждение индивидуального работника...»¹⁰. Последнего Ф. Тейлор рассматривал в качестве пассивного инертного начала, выполняющего предельно упрощенные и чисто рутинные операции в рамках предписанных ему норм. Инициатива и активность закреплялись им исключительно за администрацией. Именно она должна была запускать в нужном режиме тот механизм организации труда, который он разработал.

Высоко оценивая свое детище, Ф. Тейлор признавал за ним большое будущее и полагал, что «многие его элементы, которые сейчас считают лежащими за пределами точной науки, скоро будут введены в норму, стандартизированы, приняты и применены совершенно так же, как сейчас применяются многие элементы в технике»¹¹. Он впервые сформулировал мысль о том, что управление является точно такой же профессией, как и все другие. При этом он полагал, что в условиях применения «научного управления» организатор производства, как и любой иной его участник, должен подчиняться тем же правилам и законам, которые были разработаны им на основе сотен экспериментов.

Тейлоровская концепция «научного управления» разрабатывалась в рамках механицизма – научной парадигмы, общепринятой в начале XX в. Как подчеркивал Д.М. Гвишиани, с позиций механицизма Ф. Тейлор трактовал социальную организацию как сугубо формальную, не знающую и, более того, принципиально отвергающую какие-либо иные отношения, не предписанные служебным, функциональным содержанием¹². При таком подходе сам человек и его жизнь являлись лишь средством усиления экономической рациональности, которая в индустриальном обществе приобрела самодовлеющее значение.

Зародившееся в США движение «научного управления» очень скоро охватило и Европу, где появилось немало сторонников и последователей Ф. Тейлора, которые вместе с ним составили «классическую школу» управления. Ее приверженцы (А. Файоль, Х. Эмерсон, Л. Урвик и др.) утверждали, что общие принципы научного управления объективны и универсальны как, например, законы физики. В этой связи, в частности, считалось, что путем наблюдений и правильных умозаключений, сделанных в соответствии с требованиями научного менеджмента, можно открыть и сформулировать некоторые общие универсальные правила построения и эффективного функционирования любой организации.

С «классической школой» управления оказалась тесно связана модель «рациональной бюрократии» М. Вебера, которая, обозначив идеальный тип административной организации, отразила в себе ряд нормативных требований к структуре государственного управления индустриального общества. Рациональная бюрократия, по мысли М. Вебера, явившись наивысшей степенью развития технической рациональности в сфере управления, стала одной из важнейших опор западного государства и западной экономики. Такая

бюрократия, полагал ученый, включает квалифицированных специалистов-чиновников, осуществляющих профессиональное управление государством и экономикой. Ее важнейшей особенностью является рациональный характер деятельности, при котором «легитимность приказов обладателя власти основана на рационально сформулированных, согласованных или октроированных правилах, а легитимность формулирования этих правил, в свою очередь, – на базе рационально сформулированной или интерпретированной “конституции”»¹³. По мнению М. Вебера, рациональная бюрократия воплощает в себе наиболее чистую форму рационально-легального господства.

На основе обобщения европейского (преимущественно германского) опыта управления М. Вебер выделил основные черты рациональной бюрократии.

1. Разделение управленческого труда. В общей задаче, на решение которой нацелен аппарат управления, обычно выделяются отдельные позиции, закрепляемые за конкретными звеньями и должностными лицами. На этой основе осуществляется разделение управленческого труда, обеспечиваются его дифференциация и специализация. В результате каждый чиновник в соответствии с полученной квалификацией и возложенными на него функциональными обязанностями несет ответственность за выполнение определенного участка административной деятельности. Тем самым компетенция чиновника как «ограниченная область возможных объектов, на которые распространяются распоряжения, составляет сферу его законной власти»¹⁴.

2. Установление должностной иерархии. Служебные позиции чиновников и соответственно закрепленные за ними сферы компетенции выстраиваются в иерархическую систему властной зависимости, которая предполагает пирамидальный способ построения управленческого аппарата. Внутри его каждое должностное лицо подчинено вышестоящему чиновнику и одновременно располагает властью над теми, кто находится ниже его. На всех своих уровнях служебной иерархии четко распределены права и ответственность должностных лиц, при этом вышестоящее начальство всегда обладает большим объемом «личного усмотрения» и соответственно большей ответственностью как за свои собственные решения, так и за решения и действия своих подчиненных. На всех уровнях иерархии нижестоящие чиновники контролируются вышестоящими, в результате появляется возможность отслеживать реальное выполнение принимаемых наверху решений.

3. Наличие формальных, рационально сформулированных правил и предписаний. Служебная деятельность всех должностных лиц базируется на формальных правилах, инструкциях и предписаниях, в которых закрепляются стандарты служебного поведения, призванные обеспечить единообразие подходов в самых различных ситуациях. Подобные правовые установления, по мысли М. Вебера, отражают потребности развития капиталистического предприятия, ориентированного на стабильность производства и правовой среды. Их применение позволяет планировать хозяйственную деятельность людей и заранее просчитывать ее результаты.

4. Беспристрастное и безличное выполнение чиновниками своих служебных обязанностей. Чиновник как носитель власти «никогда не осуществляет ее от своего лица, а всегда *от имени безличного учреждения...*»¹⁵. Это означает, что в бюрократическом аппарате власть деперсонализирована, т. е. она принадлежит не индивиду как таковому, а той должности, которую он занимает. Соответственно граждане подчиняются не ему как конкретной личности, а тем правовым нормам, которые он представляет. Всякий чиновник, руководствуясь рациональными правилами, «должен “управлять” прежде всего беспристрастно... *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия должен он вершить дела»¹⁶. Он должен отбросить все личные соображения, забыть о своих привязанностях, подавить эмоции и руководствоваться одной лишь безличной нормой. Каждый новый клиент – это очередное дело, которое в соответствии с инструкциями должно быть разрешено в установленный срок и установленным образом.

5. Наличие у чиновников специальной технической подготовки, назначение их на должность на основе договора. Кандидаты на должность в бюрократический аппарат должны быть специально подготовленными, владеть техникой управления, которая требует как специальных знаний, относящихся к конкретным областям управленческой деятельности, так и знаний общих правил делопроизводства и бюрократического процесса. Отбор претендентов основан на соответствии их квалификации занимаемой должности, что устанавливается либо с помощью экзаменационных испытаний, либо на основе представления соответствующих документов. При этом чиновники не избираются, а назначаются, что обеспечивает их служебную верность и исключает возможное давление на них со стороны избирателей, которым в случае избрания они были бы вынуждены угождать. Служащие, будучи лично свободными, занимают свои должности на основе договора, который обеспечивает их правовой статус, фиксирует права и обязанности.

6. Установление правовой защищенности чиновников, формирование у них «корпоративного духа». Исполнение должности – единственное (или главное) занятие чиновника, которому он посвящает всю свою жизнь. Служащий ориентирован на регулярное повышение в чине и стабильное продвижение по службе, происходящее либо по принципу старшинства, либо по принципу заслуг, почти автоматически, независимо от симпатий или антипатий начальства. Такое продвижение осуществляется строго последовательно по ступеням бюрократической иерархии. При этом чиновники защищены от произвольных увольнений и обладают определенными привилегиями. Их труд вознаграждается постоянным денежным окладом, размеры которого устанавливаются в зависимости от должности или занимаемого места в бюрократической иерархии. При уходе со службы они имеют право на пенсию. Тем самым чиновники обретают особый социальный статус, который благоприятствует формированию «корпоративного духа» и укреплению чувства лояльности по отношению к аппарату. Все это способствует их превращению в «совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность...»¹⁷.

7. Отделение чиновников от средств управления. По словам М. Вебера, «в современном “государстве” полностью реализовано (и это существенно для его понятия) “отделение” штаба управления – управляющих чиновников и работников управления – от вещественных средств предприятия»¹⁸. В результате ни один из них не является собственником денег, которые он тратит, зданий, материалов и инструментов, которыми он распоряжается. Ученый неоднократно подчеркивал, что юридическое отделение чиновников от средств управления осуществлено точно так же, как отделение рабочего от средств производства в условиях капиталистического хозяйства. В бюрократическом аппарате имеет место и полное отделение выполняемой функции от личности служащего, что исключает возможность присвоения им занимаемой должности и использование ее в собственных интересах.

8. Неукоснительное соблюдение служебной дисциплины. Каждый чиновник обязан строго и точно подчиняться служебной дисциплине, принятой в данном учреждении. Его приверженность к дисциплине прямо вытекает из служебного долга и верности тому учреждению, где он служит. Дисциплина обязывает чиновника подчиняться даже тем приказам, которые лично ему кажутся ошибочными. Будучи убежденным в ошибке, он может уведомить об этом вышестоящие инстанции. «В случае если (несмотря на его представление) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшей степени нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат»¹⁹.

Все названные черты характеризуют, согласно М. Веберу, рациональный тип бюрократии. Отсутствие хотя бы одной из них обуславливает невозможность ее нормального функционирования. По мнению ученого, рациональная бюрократия представляет собой наивысшее воплощение капиталистической рациональности, а бюрократическое управление является технически самой совершенной и эффективной формой господства, наиболее пригодной для потребностей массового капиталистического производства. Он писал, что рациональная бюрократия «является носителем, с одной стороны, трезвого рационализма, а с другой – идеала дисциплины и "порядка" как абсолютного мерила ценности»²⁰. Чисто бюрократическому управлению, по его мнению, присущи такие качества, как постоянство, надежность, унифицированность, определенность, точность, скорость, производительность, сведение к минимуму материальных и человеческих издержек. В представлении М. Вебера устройство и деятельность рациональной бюрократии практически ничем не отличаются от работы хорошо отлаженной, тщательно отрегулированной машины: и та и другая принципиально безличны, идеально рационалистичны, научно просчитаны, легко управляемы, полностью предвидимы и высокоэффективны. В этой связи он констатировал: «Полностью развитый бюрократический механизм выглядит в сравнении с другими организациями точно так же, как машина в сравнении с немеханическими видами производства»²¹. Поэтому не случайно, что по отношению к бюрократическому аппарату М. Вебер достаточно часто употреблял термин «машина». Однако это не простая машина, а такая, в которой колесиками и винтиками являются сами люди. При этом они лишаются своих человеческих качеств и выступают как безликие механизмы, подчиненные одной цели – обеспечению ее слаженного и бесперебойного функционирования. Все, что препятствует этому, рассматривается как дисфункция, требующая немедленного устранения, для чего должны быть уточнены регламенты, наказаны виновные, ужесточен контроль над поведением исполнителей и т. п. Подобная машина, будучи беспристрастной и лишеной собственных потребностей, не имеет никаких других интересов, кроме «интересов дела». Являясь формально-рациональной структурой, не обладающей собственными нравственными или политическими ориентациями, она не может действовать самостоятельно и выступает лишь в качестве простого инструмента стоящих у власти сил.

Веберовская теория «рациональной бюрократии», адекватно отразившая ряд важнейших тенденций индустриального общества, получила широкое распространение в современном мире. По признанию ученых идеи М. Вебера составили целую эпоху в административной науке и практике и стали фундаментальной основой теории управления в индустриальном обществе²². Отсюда понятно, что *послевеберовские исследования бюрократии не могут не учитывать те достижения, которые были сделаны этим замечательным ученым*. Более того, в 1970–1980-х гг. в рамках так называемого «веберовского ренессанса» наметилось стремление многих исследователей широко использовать веберовское теоретическое наследие, соединив его с выводами современных административных наук. Значительный интерес к теории бюрократии М. Вебера сохраняется и в настоящее время, что еще раз подчеркивает ее актуальность и практическую ценность.

Признавая актуальность веберовских разработок, нельзя не отметить, что его модель бюрократии неоднократно подвергалась острой критике. Многие ученые, в числе которых К. Фридрих, П. Блау и Р. Мертон, не отвергая эвристической ценности подхода М. Вебера к анализу бюрократических структур, одновременно подчеркивали такие его недостатки, как механистичность, нормативность, отрыв от жизни, противоречивость и т. п. Веберовскую теорию бюрократии упрекали в чрезмерной формализации, при которой всякое отступление от заданной нормы рассматривалось как источник иррациональности и неэффективности. Считалось, например, что при таком подходе полностью игнорируется неформальная сторона бюрократической организации,

которая в реальной жизни не просто сосуществует наряду с формальной, но и, взаимодействуя с ней, либо повышает, либо снижает ее эффективность. В этой связи первой наиболее значимой оппозицией веберовской теории «рациональной бюрократии» стала школа «человеческих отношений» (Э. Мэйо, У. Мур, Ф. Ротлисбергер, Т. Уайтхед и др.), исследовавшая неформальные социально-психологические отношения в организации. Затем последовали другие школы и теории. Их появление было далеко не случайным. Динамичный процесс социальных перемен XX в. настоятельно требовал корректировки существующих представлений о бюрократии, которые, разумеется, не могли оставаться неизменными. Жизнь показала, что чиновники, несмотря на свою рациональную организацию, далеко не всегда действуют рационально. Принципы, призванные обеспечить рациональную функциональность бюрократического аппарата, на деле нередко порождают его дисфункциональность, в результате возникают такие управленческие «патологии», как формализм, косность, волокита и т. п. Их наличие свидетельствует о том, что в действительности бюрократия носит не рациональный, а ограниченно-рациональный характер. Из сказанного очевидно, что современные представления о бюрократии уже не могут замыкаться на типе рациональности, преимущественно техническом по своему характеру, который был характерен для веберовской модели бюрократии. Поэтому современная концепция бюрократии, не отказываясь от веберовской модели, должна включать новый тип рациональности, обусловленный сложностью и неоднозначностью «человеческих отношений».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 357–358.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 127.

³ См.: Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 35.

⁴ Ясперс К. Указ. соч. С. 138.

⁵ См.: Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923. С. 177–178.

⁶ Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 173–174.

⁷ Зомбарт В. Современный капитализм: В 3 т. М., Б. г. Т. 1. С. 194–195.

⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 469.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ Тейлор Ф. У. Научная организация труда. М., Б. г. С. 30.

¹¹ Там же. С. 171.

¹² См.: Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., 1972. С. 246.

¹³ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 67.

¹⁴ Там же. С. 67.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные сочинения. М., 1990. С. 666.

¹⁷ Там же. С. 657.

¹⁸ Там же. С. 650–651.

¹⁹ Там же. С. 666.

²⁰ Вебер М. Социология религии (типы религиозных обществ) // Избранное. Образ общества. С. 145.

²¹ Гвишиани Д. М. Указ. соч. С. 281.

²² См.: Государственная служба (комплексный подход): Учеб. пособие. М., 1999. С. 25.